

ОТЗЫВ

официального оппонента доктора искусствоведения Марины Александровны Неглинской на диссертацию Анны Алексеевны Егоровой «Японская керамика эпохи Эдо (1603 – 1868). Культурный контекст и атрибуция», представленную в виде рукописи диссертационному совету Д 210.004.02 на соискание ученой степени кандидата искусствоведения по специальности 17.00.04 – изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура.

Диссертация Анны Алексеевны Егоровой посвящена анализу трансформаций традиционной японской керамики периода Эдо (1603 – 1868) и хронологии её собирательства в условиях меняющегося культурно-исторического контекста.

Работа состоит из двух томов. Первый – содержит основной текст, включающий «Введение»; Главы 1–4; «Заключение» и библиографию (в том числе более 130 изданий на русском, японском и европейских языках; архивные источники, интернет-ресурсы). Второй том составляют «Приложения»: словарь и именной указатель; альбом и список 55 иллюстраций, включающий репродукции японской керамики из музейных и частных коллекций. Здесь же опубликован каталог вещей периода Эдо, составленный диссертантом – 73 предмета керамики из коллекции Государственного Эрмитажа (С.-Петербург). К тексту, по сути, приложен образец **практического применения** результатов исследования – свидетельство того, что диссертанту удалось успешно справиться с поставленной **целью и задачами**, то есть найти принципы атрибуции, действующие в условиях стилистического многообразия и непрерывных (на протяжении без малого трех веков) эстетических и технико-технологических изменений традиционной японской керамики.

Источниковедческую базу исследования составили материалы архивов и соответствующие разделы музеев Санкт-Петербурга (Государственного Эрмитажа, Кунсткамеры, Музея прикладного искусства академии им. А.Л. Штиглица), Москвы (Государственного музея Востока) и крупнейших западных собраний (Британского музея, Музея Виктории и Альберта в Лондоне; Музея Гимэ в Париже; нью-йоркского музея Метрополитен и галереи Фрир в Вашингтоне). Диссертантом привлечены «эталонные» коллекции керамических мастерских Японии: собрание керамики региона Мино-Сэто из Музея префектуры Гифу; гончарные изделия Арита из Музея

керамики Кюсю; собрание осакского Музея восточной керамики; частные коллекции мастерских Тин Дзюкан в Кагосима и Раку в Киото. Не публиковавшиеся ранее тетради керамических образцов и хозяйственная документация этих частных мастерских были использованы в обсуждаемой работе (Дисс., с. 9–12, 123; Автореф., с.5 – 7).

Во «Введении» (Дисс., т.1, с. 4–16) обусловлена **актуальность темы**, связанная с рядом причин. Во-первых, за прошедшее с 1860-х время, обозначившее начало коллекционирования японской керамики на Западе и её исследование вовне и внутри страны, Япония преобразовалась в современную державу, способную, однако, препятствовать процессу растворения национальных традиций в волне вестернизированной мировой цивилизации. Более того – японское гончарство явилось источником технико-технологического и этико-эстетического опыта для соответствующего западного искусства модернизма и постмодернизма. Во-вторых, популярность старой японской керамики у местных и западных собирателей отразила несходство в её эстетической оценке, которым объясняется принципиально разный состав японских и зарубежных коллекций. И, в-третьих, систематизации требует исследовательский опыт, накопленный местными и иностранными знатоками, поскольку отсутствие единой системы в подходе к коллекционированию вещей породило комплекс атрибуционных и терминологических проблем и обозначило необходимость воссоздания общей картины японского керамического производства в его эволюции от Средневековья к Новому времени. В этой связи **объектом диссертационного исследования А.А. Егоровой выступает японская керамика периода Эдо, предметом – атрибуция этой керамики** (Дисс., с. 8; Автореф., с.5).

В Первой главе (с. 17–38) содержится историографический обзор материала и анализ сложения крупнейших мировых собраний. Здесь резонно отмечена тесная связь между собирательством вещей, их атрибуцией и изучением. Представляется методически верным стремление диссертанта объединить достижения разных способов классификации керамики. Так, в работе учтены результаты, полученные западными учеными второй половины XX века – Хэзел Горам и Дженинс Соам, Оливером Импи – авторами обобщающих трудов о японском гончарстве, и современными исследователями – Гизелой Ян, Клэр Поллард, Ричардом Уилсоном, Луис Эллисон Корт – изучавшими керамику эпохи Эдо в контексте проблемы

развития национальных традиций. Не оставлен без внимания ценный опыт японских мастеров и ученых XX века, писавших о традиционном гончарстве (в их числе Янаги Со:эцу, Кацура Матасабуро:, Накагава Сэнсаку). Диссертант творчески использует и отечественные классификационные методики, в частности научные достижения Р.А. Ксенофоновой – автора каталога коллекции японской керамики петербургского Музея антропологии и этнографии / МАЭ (Дисс., с. 26–36, Автореф., с. 13–15). Диссертант (вслед за Янаги Со:эцу и другими представителями культурной элиты Японии XX века) различает «народную керамику» (базовое явление японской культуры, существующее в структуре «народного искусства» *мингэй*, философски осмысленного в первой трети XX века) и «художественную керамику» (продукцию мастерских, находившихся под патронажем двора, крупных феодалов и буддийских монастырей), которые существуют как две стороны одного феномена, опирающиеся на общий комплекс культурных традиций и религиозных практик (Дисс., с. 26–31).

Во Второй главе методически обоснован выбор периода Эдо (1603 – 1868) как хронологических рамок исследования: изменения, произошедшие тогда в традиционном гончарстве, стали следствиями образования внутреннего и внешнего рынков искусства и результатом развития международных контактов, вызвавших переосмысление местных традиций и обновление технологий (Дисс., с. 39–62). Диссертант на конкретных примерах убедительно показывает, что, обладая самобытной и по-своему совершенной керамической традицией, Япония с момента выхода на международный рынок гибко реагировала на изменения текущей художественной ситуации, успешно встраивалась в мировое искусство и очень скоро стала играть в нём важную роль.

В Третьей главе рассматриваются традиционные японские мастерские, сохранившиеся или возникшие в эпоху Эдо, среди которых выделены более архаичные в технологическом плане производства неглазурованной керамики и современные эпохе ремесленные центры, выпускавшие изделия с прозрачными (в том числе тугоплавкими) цветными глазуриями (Дисс., с. 63–121). До недавнего времени произведения дальневосточного прикладного искусства, созданные в период распада традиционной картины мира и вторжения в неё внешних и во многом ей чуждых культурных импульсов, негативно оценивались в искусствоведческой науке, что само по себе как

будто исключало возможность углубленного изучения подобных явлений. К достоинствам работы относится стремление диссертанта рассматривать керамику Японии XVII – XIX веков как определенную систему, отражающую комплекс духовных и интеллектуальных потребностей, практических запросов и технических возможностей данного времени.

Четвертая глава содержит сведения о проблемах и принципах атрибуции традиционного японского гончарства периода Эдо (Дисс., с. 122–183) и, по сути, суммирует результаты, подводя итог диссертационного исследования более полно, чем короткое Заключение (Дисс., с. 178–180), являющееся скорее данью традиции. В этой главе среди наиболее достоверных источников называются списки дипломатических даров и музейные архивы, а также менее доступные исследователям иллюстрированные книги образцов для внутреннего пользования мастерских и хозяйственная документация провинциальных администраций (Дисс., с. 122–125). Принимая в расчет миграцию мастеров и сопутствующий ей технологический и художественный обмен между различными керамическими центрами Дальнего Востока и самой Японии, А.А. Егорова предложила комплексный метод атрибуции произведений. Так, классификация эдоской керамики по надписям и маркам (зачастую сомнительным) и её более надежная атрибуция по технико-технологическим и художественным признакам проверяются в результате сравнения каталогизируемых вещей с эталонными образцами (достоверно датированными и соотнесенными с определенной мастерской или автором) и, наконец, дополняются анализом имеющихся бытовых и культурологических признаков (Дисс., с. 126–171).

Заслуживает высокой оценки принцип многопланового подхода в последней главе (и диссертации в целом) к теме китайских влияний, увязанных с ситуацией мирового художественного рынка, в котором Китай эпохи Цин (1644—1911) и Япония конца XIX — начала XX веков играли важную роль. Диссертант резонно отмечает посредничество Срединной империи в международном культурном и технологическом обмене, показывая, что используемая в некоторых предметах японской керамики XIX века роспись полихромными эмалевыми красками приближалась по колориту к росписи китайского фарфора так называемого «розового семейства/фэньцай» 粉彩 (Дисс., с. 147–148), которая признана важной цинской новацией, уже в

начале маньчжурского правления воспринятой китайцами из европейского источника.

Однако, справедливо и то, что японское гончарство XVII—XIX веков зачастую характеризуется использованием весьма архаичных китайских форм и мотивов декора, востребованных в экспортной керамике периода Мэйдзи (1868—1912), поставляемой в Европу и Америку. Примерами служат: тип японской курильницы в форме ритуального китайского сосуда *дин* 鼎, производившегося в древности из керамики и бронзы (Дисс., с. 153; т.2, кат. № 46) и стилизованные иероглифические надписи, воспроизводящие *сяочжуань* — «так называемый каллиграфический стиль “надписей на каменных барабанах”» (Дисс., с. 163–165). К сказанному можно добавить, что образ китайской «древности» во многом отвечал японскому эстетическому принципу *саби* (который есть «красота, трогающая душу следами времени, неяркой и печальной прелестью старины, экзистенциальным одиночеством», Дисс., с. 40) и даже мог быть причастен к формированию этого принципа.

Процедура диссертационной защиты требует от рецензента выдвижения критических замечаний, которые в данном случае имеют частный характер.

Так, китайская эпоха Чжоу, которую диссертант относит к 1122—249 годам до н.э. (Дисс., с. 164), в нормативных изданиях обычно датируется XI в. — 256 г. до н.э.

Сяочжуань 小篆 (буквально: «малые печати»), нередко именуют «стилем» китайской каллиграфии (см. Дисс., с.164), но резонно всё же говорить здесь о почерке, как это делает В.Г. Белозерова в книге «Искусство китайской каллиграфии» (М., 2007). И такая замена в целом совпадает с изложенным в диссертации взглядом на проблему стиля и культурологические ограничения, касающиеся применения западной терминологии к произведениям традиционной дальневосточной керамики (см.: Дисс. с. 148–151).

В работе резонно отмечено, что японская «керамика оказалась включённой в такие первоначально элитарные формы прикладных искусств и культурных практик как чайные церемонии (*тя-но ю*, *сэнтядо*), аранжировка растений (*икебана* и *бонсай*) и, следовательно, стала оцениваться в категориях эстетики и этики тех религиозно-философских учений и идеологических тенденций, которые формировали эти искусства» (Дисс., с. 5). Однако, термин «прикладные искусства», подходящий керамике, лишний в этом пассаже: он

не годится для определения действий, подобных чайной церемонии или цветочной аранжировке, которые эта керамика (как прикладное искусство) и обслуживает.

В другом высказывании, тоже логичном по содержанию, читаем: «керамика оказалась под большим влиянием философии, поэзии, каллиграфии и, в свою очередь, оказывала влияние на “высокие” жанры искусства, к которым не относилась» (Дисс., с. 5). Здесь под «жанрами», очевидно, подразумеваются виды (каллиграфия) или типы искусства, в том числе литературного (например, поэзия).

Встречаются и досадные опечатки: например, в корпус диссертации входят четыре главы, а не три, как указано в Автореферате (Автореф., с. 11); и там же: «Структура диссертации обусловлена задачей и целями исследования», хотя ранее речь идет об одной «цели» и «комплексе задач» (Автореф, с. 5). Одна и та же опечатка повторяется в слове «обусл[о]вливать» (например: Автореф., с. 3; Дисс., с.6, 133, 137, 140).

Отвлекаясь от этих частностей, следует констатировать, что диссертация Анны Алексеевны Егоровой «Японская керамика эпохи Эдо (1603 – 1868). Культурный контекст и атрибуция» является **первым в отечественном искусствоведении специальным исследованием, посвященным рассмотрению художественных, историко-культурных и технологических аспектов японской керамики – одного из основных и глубоко традиционных видов национального прикладного искусства.**

Научная новизна работы очевидна не только по причине выбора автора в пользу периода Эдо как мало изученного этапа развития керамического производства Японии, но также благодаря самому подходу к объекту исследования, позволившему представить деятельность двенадцати основных ремесленных центров Японии в их исторической взаимосвязи.

Диссертант глубоко понимает исследуемое им явление, поскольку **теоретическому осмыслению материала предшествовало его обстоятельное изучение в процессе музейной и выставочной практики,** что позволило предложить в работе оригинальную систему датировки и атрибуции вещей.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что основанное на комплексном использовании опыта современного искусствоведения исследование А.А. Егоровой заслуживает самой высокой оценки, поскольку

оно позволяет по-новому осознать процесс стилиобразования в японском искусстве XVII – XIX веков и отнести к этому процессу как естественному и закономерному явлению, обусловленному, с одной стороны, логикой собственного развития японской традиционной керамики, с другой стороны, также особенно интенсивной, начиная с XVII века, взаимной интеграцией субъектов мировой художественной культуры.

Основные положения диссертации отражены в 16 научных работах, приведенных в автореферате, из которых 5 опубликованы в рецензируемых журналах, рекомендуемых ВАК.

Автореферат отражает структуру и основные положения диссертации и дает адекватное представление о ней.

Содержание, теоретический и методологический уровень, практическая ценность диссертации А.А Егоровой «Японская керамика эпохи Эдо (1603 – 1868). Культурный контекст и атрибуция» отвечают требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата искусствоведения.

Диссертация полностью соответствует критериям, установленным пунктом 9 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации № 842 (ред. от 30.07.2014) в отношении кандидатских диссертаций.

Её автор Анна Алексеевна Егорова заслуживает присвоения ученой степени кандидата искусствоведения по специальности 17.00.04 – изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура.

Официальный оппонент,
ведущий научный сотрудник
Института востоковедения РАН,
доктор искусствоведения

Марина Александровна Неглинская

« 14 » июня 2016 г.

